

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 4, 2020

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

ЭКОНОМИКА

Волкова С. Л.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТУРЦИИ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ 8-го И 9-го ПЛАНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (2002-2013 гг.)	8
---	---

Гаджиев А. Г.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС ПОСЛЕ СМЕНЫ РУКОВОДСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 1 ДЕКАБРЯ 2019 г.	24
---	----

Ледовская О. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНО-ТУРЕЦКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	47
--	----

Свиштунова И. А.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА.....	63
--	----

Симонов Д. К.

ВКЛАД ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ТУРЦИИ В РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	80
--	----

Ульченко Н. Ю.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ: «НЕИСЛАМСКИЙ» АСПЕКТ	90
---	----

ПОЛИТИКА

Болдырев А. В.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ТУРЕЦКИХ ВМС В 1991-2019 гг.....	105
---	-----

Вертяев К. В.

СЕВЕРНЫЙ ИРАК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТУРГУТА ОЗАЛА (1989-1993).....	114
---	-----

<i>Иванова И. И., Горбунова Н. М.</i> ТУРЦИЯ И ЛИВАН В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И КОНФЛИКТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.....	134
---	-----

<i>Графов Д. Б.</i> ЛОББИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ТУРЦИИ В США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА	154
---	-----

<i>Иванова И. И.</i> ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ В XXI в.	182
---	-----

<i>Корочкина В. А.</i> ИЗРАИЛЬСКИЕ ЭКСПЕРТЫ О МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ТУРЦИИ И ИЗРАИЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	207
---	-----

<i>Пойя Семеулла</i> АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ США И АФГАНИСТАНА. ПЕРСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА АФГАНИСТАНА С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ.....	227
--	-----

<i>Цибенко В. В.</i> КОНКУРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ТУРЦИИ: ПРИМЕР ЧЕРКЕСОВ И КРЫМСКИХ ТАТАР.....	237
--	-----

<i>Саетов И. Г.</i> ПОПУЛЯРНОСТЬ ТУРЕЦКИХ СЕРИАЛОВ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ	249
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лебедева Н. Б.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.П. КАШИНА «НАРЕНДРА МОДИ. ЛИДЕР СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ» М.: АО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ИКАР», 2020. – 260 с.	258
--	-----

Цибенко В. В.*

КОНКУРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ТУРЦИИ: ПРИМЕР ЧЕРКЕСОВ И КРЫМСКИХ ТАТАР

Tsibenko Veronika**

COMPETITION OF NATIONAL PROJECTS IN TURKEY: THE EXAMPLE OF CIRCASSIANS AND CRIMEAN TATARS

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-04-237-248

Аннотация: В статье рассмотрена конкуренция национальных проектов (установок в сфере национальной политики) в Турции на нескольких уровнях. Во-первых, проанализировано взаимодействие доминирующего турецкого национального проекта в его эволюции и национальных проектов этнических меньшинств – крымских татар и черкесов. Как представляется автору, турецкий национальный проект может поглощать этнонациональные, изменяя их под себя, а может вступать с ними в прямую конфронтацию. Во-вторых, представлена вариативность самих национальных проектов, идеологи которых, конкурируя за этническую аудиторию, предлагают разные понимания черкесской и крымско-татарской нации. В итоге в Турции одновременно сосуществуют наряду с государственным как этнические национальные проекты, так и комплементарные турецкому национальному проекту псевдоэтнические, построенные на культурной и религиозной идентичности без признания общности происхождения.

Ключевые слова: Турция, этнические меньшинства, национальный проект, черкесы, крымские татары.

Abstract: The present article examines the competition of national projects in Turkey at several levels. We analyse the interaction of the dominant Turkish national project, given in dynamics, and the national projects of ethnic minorities – the Crimean Tatars and Circassians. We demonstrate that the Turkish national project can absorb ethnonational ones, changing them to suit itself, or it can enter into direct confrontation with them. Besides, we analyse the variety of national projects, the ideologists of which, competing for an ethnic audience, offer different understandings of the Circassian and Crimean Tatar nation. As a final result we show how both ethnic national projects and pseudo-ethnic-culturally-based projects simultaneously coexist in Turkey along with the state nationalism.

Key words: Turkey, ethnic minorities, national project, Circassians, Crimean Tatars.

Последствия для этнических меньшинств государственного национализма – одна из наиболее актуальных междисциплинарных тем на стыке исторических, этнологических и политических наук. Особый

* Цибенко Вероника Витальевна – к.и.н., директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета; e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru.
ORCID: 0000-0002-3696-2290

** Tsibenko Veronika – Ph. D. (History), Director of the Center for Interdisciplinary Humanitarian Studies of the Southern Federal University; e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru.

интерес вызывают эти процессы в постимперских государствах, поскольку этнические меньшинства, инкорпорированные ранее в имперскую структуру, оказываются либо приравнены к господствовавшей группе (будь то этнической, социальной или религиозной) в случае реализации национального проекта гражданского типа, либо, напротив, сталкиваются с угрозой своему существованию в случае, если национализм этнического большинства становится доминирующей идеологией государства.

Политические элиты новых государств с выраженным преобладанием национального большинства, имеющие в своем распоряжении различные инструменты для осуществления культурной и этнической политики, как правило, выбирают стратегию ассимиляции меньшинств. При этом от скорости растворения «инородных» этнических групп зависит и успешность самого государственного национального проекта. Незавершенная ассимиляция приводит к постоянному внутреннему конфликту, при обострении внутриполитической обстановки стремительно переходящего в форму вооруженного противостояния с угрозой распада государства.

Насколько данная схема применима к Турции показывает постоянное внутреннее и внешнее давление курдского национального движения, которое стремится либо к федерализации государства, либо к созданию на части его территории независимого Курдистана, т. е. в любом случае – к ликвидации турецкого национального проекта в его текущем виде.

Однако путь национального строительства в Турции не был линейным, что обусловило вариативность позиций этнических групп и даже разнообразие их внутригрупповых стратегий построения коллективной идентичности.

В качестве основного объекта нашего исследования мы выбрали процесс формирования национальной идентичности у крымских татар и черкесов в Турции, при этом основной фокус направлен на конкуренцию национальных проектов в Турции. Мы проанализировали взаимодействие доминирующего турецкого национального проекта, представленного в динамике, и национальных проектов крымских татар и черкесов, а также вариативность самих национальных проектов, идеологи которых, конкурируя за этническую аудиторию, предлагают разные понимания черкесской и крымско-татарской нации.

Пути турецкого национализма

К выбору пути развития учрежденная в 1923 г. Турецкая Республика подошла с полученным ранее опытом гражданского нациестроительства. Уже в последней четверти XIX в. произошло радикальное преобразование имперской миллетной системы, делящей общество на конфессиональные (чаще всего, этноконфессиональные) общины («миллет»)¹, в систему, нацеленную на формирование единой османской нации («османский миллет»)².

Идеологическая доктрина османизма оказалась несостоятельной, поскольку не была воспринята большинством этнических групп, развивавших собственные национальные проекты (греки, болгары, армяне и пр.). Однако она усилила культурно-политическую консолидацию мусульман за исключением арабов, которые уже концентрировались вокруг собственного национализма. Эти процессы в Османской империи способствовали, по словам И. В. Кудряшовой, формированию «мусульманского миллета-протонации»³.

В начале XX в. под влиянием идеологов тюркского единства, большинство из которых на первом этапе составляли тюркские подданные Российской империи⁴, гражданский национальный проект стал трансформироваться в этнический, а турки были признаны ядром складывавшейся нации.

В итоге республиканские власти, которые при определении траектории дальнейшего нациестроительства могли выбирать между гражданским проектом и этническим, остановились на смешанном варианте.

Формально поддержана была концепция гражданской нации. Согласно 88-й статье конституции Турецкой Республики от 1924 г., турком (тюрком)⁵ признавался любой гражданин Турции вне зависимости от происхождения и вероисповедания, если он родился в Турции от турецкого отца либо от «иностранца», но в совершеннолетнем возрасте принял «тюркизм», т.е. турецкую идентичность. В конституции 1961 г. появилась сохранившаяся до нашего времени формулировка: «Каждый, кто связан с Турецким Государством узами гражданства – турак» (статья 54).

В реальности продолжение получил полугражданский проект «мусульманского миллета», причем мусульмане подвергались форсированной тюркизации⁶. Официальный статус меньшинств приобрели только немусульманские этнические группы – армяне, евреи, греки и некоторые другие⁷. К желающим получить турецкое гражданство иноверцам предъявлялись требования принять ислам и получить турецкое имя⁸. Остальные же либо включались в турецкую нацию по праву тюркского происхождения, либо подвергались насильственной культурной и языковой ассимиляции. Таким образом, наблюдалась как этнизация национального проекта, так и развитие пан-национализма на основе идеи о тюркском единстве⁹.

В этих условиях мусульманские иноэтничные группы лишались возможности для альтернативного национального строительства, а уже существовавшие национальные движения подавлялись через закрытие национальных организаций и образовательных учреждений, аресты национальных лидеров¹⁰.

Каким же тогда образом в начале XXI в. может идти речь о конкуренции национальных проектов таких мусульманских этнических групп как черкесы и крымские татары, если согласно официальному подходу они являлись частью единой турецкой нации? И, соответственно, если такие проекты существуют, какое влияние оказала на них доминирующая тюрко-турецкая национальная парадигма?

Диаспоральное сознание и нациестроительство

Крымские татары и черкесы представляют собой две самые крупные этнические диаспоры Турции при условии, что они действительно являются носителями диаспорального сознания.

По подсчетам турецких черкесов, в отсутствие государственного статистического учета этнической принадлежности, черкесская диаспора в Турции составляет от 2 до 12 млн чел.¹¹ при общем населении Турции в 83 млн чел. В отношении крымско-татарской диаспоры крымскими татарами приводятся цифры в 3–5 млн чел.¹²

Однако при объективном подсчете на первый план выходит вопрос идентичности: сколько крымских татар и черкесов в Турции признают себя частью диаспоры, сохраняют свою этническую инаковость и самосознание или, напротив, причисляют себя к туркам, считают себя частью турецкой нации.

При более детальном разборе оказывается, что в оценке численности черкесской и крымско-татарской диаспор ведущие подсчет представители этнических меньшинств чаще всего руководствуются собственными национальными чувствами. Они причисляют к диаспорам как турок с черкесскими и крымско-татарскими корнями (феномен «капли черкесской крови»), так и черкесов и крымских татар по происхождению, но с турецкой идентичностью. Фактически, национальные лидеры пребывают в постоянном поиске потенциальных членов «воображаемого сообщества»-нации (в терминологии Бенедикта Андерсона¹³), и стремятся «разбудить» в них дремлющее национальное самосознание.

Соответственно, диаспоральная идентичность имеет витальное значение для нациестроительства в Турции. С одной стороны, осознание себя диаспорой выводит черкесов и крымских татар из государственного национального проекта. У них формируется образ своей покинутой родины (Крым и Кавказ), а Турция превращается в принимающее сообщество (в лучшем случае, вторую родину). С другой стороны, они включаются в черкесский и крымско-татарский национальные проекты, так как свойственные диаспорам чувство ностальгии и стремление к возвращению предполагают идеализацию и субъективизацию родины, т.е. превращение ее в земной рай, а в политическом смысле – в независимое государство. Таким образом, развивающееся диаспоральное сознание может служить триггером развития национальных проектов в Турции.

Кроме того, диаспоральное сознание увязывается еще с одним важнейшим аспектом нациестроительства – созданием образа общего национального врага. В случае черкесов и крымских татар травмирующий исход с родины воспринимается как национальная катастрофа, произошедшая по вине несправедливого и превосходящего по силе врага-агрессора.

Место этого врага может занимать в представлении диаспоры как Российская империя, так и Россия во всех ее исторических ипостасях – царская, советская, современная. Сам же исход трактуется как насильственное изгнание и геноцид, знаковыми датами которого для черкесов считаются: 1864 г. – год окончания Кавказской войны, 1944 г. – год депортации вайнахских народов и 1994 г. – год начала первой чеченской кампании («русско-чеченской войны»)¹⁴. Для крымских татар, соответственно, это 1783 г. – год присоединения Крыма к России, 1944 г. – год депортации крымских татар, 2014 г. – год «повторной оккупации» Крыма.

Важно отметить, что формированию и поддержанию такого восприятия способствуют и особенности исторической памяти в отношении России в самой Турции. Причем, согласно опросам, этот процесс носит обоюдный характер – крымские татары и черкесы также негативно влияют на восприятие России в Турции¹⁵.

Однако существуют и различия: общественное мнение и значимая часть политических элит Турции рассматривают Крым и Кавказ не как крымско-татарское и черкесское национальные государства, а как потерянные мусульманские или тюрко-мусульманские территории.

Развитие диаспорального сознания черкесов и крымских татар

Невозможность этнонационального обособления мусульман на первой стадии развития турецкого национального проекта обусловила их добровольную либо принудительную включенность в процесс турецкого нациестроительства. Однако существование до настоящего времени диаспор черкесов и крымских татар в Турции свидетельствует о незавершенности процесса государственного нациестроительства. На каком этапе и по каким причинам крымские татары и черкесы (по крайней мере, их часть) смогли дистанцироваться от государственного национального проекта и начать формировать собственные?

На наш взгляд, определяющее значение в этом имели внешнеполитическая конъюнктура, состояние российско-турецких отношений и советское влияние. Так, хотя черкесы и крымские татары активно участвовали в большой политике Турции, но даже будучи депутатами турецкого парламента они не могли публично демонстрировать, а тем более развивать в обществе нетурецкое этническое или диаспоральное самосознание.

Иная ситуация сложилась по окончании Второй мировой войны. В 1946 г. в стране прошли первые многопартийные выборы, а уже в 1950 г. к власти пришла Демократическая партия, сменившая правившую с 1923 г. Народно-республиканскую партию. Слом однопартийной системы сопровождался общей либерализацией, отходом от жесткой национальной политики и усилением антикоммунистических настроений – все это способствовало активизации таких этнических групп Турции как крымские татары и черкесы. Кроме

того, в Турцию переехали на постоянное место жительства многие кавказцы и крымчане, участвовавшие во Второй мировой войне на стороне Германии, что послужило еще большей политизации крымских татар и черкесов. Со вступлением Турции в НАТО в 1952 г. в стране начали функционировать крымско-татарские и черкесские ассоциации, которые носили выраженный антисоветский характер.

Тем не менее, разрешение на их деятельность не означало возможности развивать в Турции этническое, а тем более альтернативное национальное самосознание. В тех политических условиях ассоциации консолидировали черкесов и крымских татар на региональной основе – как выходцев с Кавказа и Крыма, то есть с оккупированных тюрко-исламских территорий. Более того, первая появившаяся организация – созданное в 1946 г. Общество взаимопомощи «Дружеская рука» – объединяло представителей Кавказа, Крыма и Центральной Азии, и лишь спустя несколько лет распалось на несколько условно этнических организаций, в числе которых – образованная в 1952 г. Кавказская культурная ассоциация Стамбула.

В 1955 г. появляется Ассоциация культуры и взаимопомощи крымских тюрок, действовавшая в парадигме идей тюркского единства и развившая широкую сеть филиалов по всей Турции, а к настоящему времени также и за рубежом (Украина, Польша, Румыния, Норвегия, Великобритания).

Одновременно в крупных городах создавались земляческие общества выходцами из одних и тех же регионов Турции или этнических деревень, что позволило в дальнейшем развить не только региональную, но и собственно этническую идентичность.

Этнизации турецких черкесов особенно поспособствовала коммунистическая пропаганда среди этнических групп в Турции, которая была успешна в 1960–70-е гг. Однако она никоим образом не затронула крымских татар, которые консолидировано противостояли «красной угрозе».

Если отсчет формирования диаспорального сознания черкесов в Турецкой Республике можно условно вести с 60-х гг. XX в., когда черкесские леваки стали развивать идею об обязательном возвращении на родину (кавказский социалистический рай), то у крымских татар эти процессы начались значительно позже – в 1990-е гг., когда депортированные крымские татары начали массово возвращаться на родину, а крымские турки Турции получили возможность приезжать в Крым. Особую роль в этом сыграло влияние Меджлиса крымско-татарского народа, созданного в 1991 г. с центром в Симферополе, а с 2014 г. переместившегося в Киев. Меджлис попытался стать национальным политическим органом, выполняющим координационную функцию для крымских татар всего мира. Именно его заслугой можно считать этнизацию крымских татар Турции.

Таким образом, хотя почва для развития этнического самосознания начала формироваться в Турции с 50-х гг. XX в., этнонациональная идентичность проявилась у турецких черкесов и крымских татар только под прямым или

косвенным влиянием советского нациестроительства. Черкесы имели возможность познакомиться с национальными проектами на советском Кавказе раньше благодаря коммунистической пропаганде, крымские татары – встретившись со своими соплеменниками в Крыму лишь после распада СССР. К моменту встречи черкесы и крымские татары советского и постсоветского пространства имели национальное сознание, национальные письменные языки и литературы, а черкесы и крымские татары Турции были ограничены в выражении своей этнической инаковости и в большинстве своем не знали родного языка – не только письменного, но и разговорного.

Этнические и культурные национальные проекты

В результате всех этих сложных и противоречивых процессов в настоящее время черкесы и крымские татары в Турции развивают собственные национальные проекты, которые не только конкурируют с государственным, но и комплементарно дополняют его. Остановимся на них подробнее с учетом диаспорального аспекта.

Черкесские и крымско-татарские национальные проекты, признавая их безусловно политическими, можно разделить на два вида: этнические и культурные. В основе этого деления лежит идентичность, на которую опираются при культивации национального единства. Хотя этничность тоже можно причислить к культурным явлениям, значимым отличием является вера в общее происхождение, которая наличествует в первом случае, и отсутствует во втором.

В Турции к этническим национальным проектам можно причислить крымско-татарский, черкесо-адыгский и черкесо-адыго-абхазский.

Особенно интересен черкесский случай этнического национализма. В СССР в результате выстроенной и выверенной национальной политики черкесы получили сразу три «национальности» с учетом мест их расселения и этнических особенностей – «адыгейцы», «кабардинцы» и «черкесы». Однако среди черкесов Турции данное деление считается искусственным и не принимается, хотя отдельные элементы кабардинского национализма все же фиксируются, особенно в регионе Узунайла – области наиболее компактного проживания выходцев с территории современной Кабардино-Балкарии.

В свою очередь, черкесы Турции считают единым этносом адыгов, выделяя общность их языка, культуры и происхождения и заявляя о существовании исторического государства Черкесия с многотысячелетней историей. Эта тенденция в последние десятилетия активно распространяется и в России, чему немало способствует сама черкесская диаспора. При их активном участии регулярно актуализируются идеи о территориальном объединении адыгов-черкесов и языковой унификации, поскольку на данный момент на Кавказе официально признаны самостоятельными адыгейский и кабардинский языки.

Кроме того, широкое распространение имела идея о единстве происхождения и культуры адыгов и абхазов (т.н. адыго-абхазский мир). Серьезные коррективы внес грузино-абхазский конфликт, обострившийся в 1992–1993 гг. Национальный подъем в Абхазии и получение ею де факто государственности отразились на идентичности турецких абхазов, большая часть которых стала считать себя частью не черкесского, а собственного абхазского национального проекта. В свою очередь, общая политизация черкесов в Турции в связи с вооруженным противостоянием между абхазами и грузинами способствовала диаспоризации черкесов, осознанию ими своей инаковости и даже привела к попыткам воздействовать на турецкое общественное мнение и политические элиты в вопросе признания независимости Абхазии. Это позволяет утверждать, что черкесский адыго-абхазский национальный проект нуждается в абхазском элементе как значимом для поддержания дальнейшей диаспоризации в Турции.

Что касается крымско-татарского этнонационального проекта, как уже было сказано выше, он развивается при участии крымских татар Крыма и Украины, опираясь на общность происхождения, языка и культуры, а для построения своей государственности предполагается использование опыта Крымского ханства и исторический прецедент создания Крымской народной республики 1917–1918 гг.

В свою очередь, к культурным национальным проектам можно отнести объединение крымских тюрок, а у черкесов – северокавказцев, которых по сложившейся практике в Турции до сих пор называют черкесами. Так, в уставе одной из ведущих черкесских организаций Турции – Черкесской ассоциации, располагающейся в Анкаре и созданной в 1961 г., в первой же статье отмечается, что термин «черкес»: «охватывает адыгов, убыхов, абхазов, осетин, чеченцев, дагестанцев, родиной которых является Кавказ, а также всех людей с кавказскими корнями, идентифицирующих себя черкесами»¹⁶.

Оба эти проекта комплементарны турецкому государственному национализму, а их идеологи вкладывают в национальную идентичность выраженную религиозную доминанту. Например, черкесо-кавказский национальный проект либо намеренно не включает кавказцев-христиан, либо игнорирует их существование. То же самое относится к караимам – крымским тюркам, исповедующим иудаизм.

При этом крымско-тюркские организации активно продвигают идею тюркского единства, превращая свой национальный проект в соподчиненный турецкому государственному. Так, Ассоциация культуры и взаимопомощи крымских тюрок, имеющая к настоящему времени более 30 филиалов, в уставе обозначает своей целью обеспечение взаимопомощи между «крымскими тюрками, являющимися неотъемлемой частью Большого Тюркского сообщества»¹⁷.

В целом, для крымских татар включение в турецкий национальный проект было менее болезненным в силу языковой близости и нераздельности

в Турции понятий «турецкий» и «тюркский». Тем не менее, крымские татары также подверглись пусть и мягкой, но ассимиляции. В частности, их язык в Турции получил статус диалекта турецкого языка.

Следует отметить, что ведущую роль в становлении «тюркской идентичности» крымских татар в Турции сыграл потомок крымских переселенцев Мюстеджиб Юлкюсал (1899–1996), переехавший в Турцию из Румынии в начале 1940-х гг. Еще будучи в Румынии М. Юлкюсал создал первое объединение крымских тюрков и с 1930 г. издавал журнал «Эмель», популяризовавший идеи пантюркизма, пантуранизма и панисламизма, выход которого он возобновил в Турции¹⁸.

В свою очередь, для развития общекавказского национального проекта в Турции определяющее значение имели лидеры Горской Республики (1918–1919), которые после политической неудачи на Кавказе переселились в Турцию и Европу. Благодаря им идея «северокавказской нации»¹⁹ и образ единого кавказского государства получил популярность среди турецких черкесов.

Второй всплеск популярности данного культурного национального проекта был связан с распадом СССР, породившим надежды на обретение независимых государств, и событиями в Чечне в 1990-е гг., также сплотившими и консолидировавшими диаспору, как и события в Абхазии. Чеченская компонента до сих пор является важной для формирующейся черкесской диаспоры, поскольку она сохраняет высокий уровень политизации.

Таким образом, к настоящему времени в Турции у черкесов и крымских татар продолжают функционировать одновременно два типа национальных проектов, имеющих своих лидеров, свои организации и свою аудиторию, которую стремятся сохранить и приумножить. В заключительной части мы попробуем сделать выводы о том, почему так происходит.

Конкуренция национальных проектов

Действительно, существующая «избыточность» национальных проектов, которые еще и конкурируют между собой, должна иметь объяснение. По-видимому, образ будущего, который они предлагают черкесам и крымским татарам, достаточно привлекателен. Однако получив возможность своими глазами увидеть крымские и особенно кавказские реалии с их мозаичной полиэтничностью, крымские татары и черкесы могли убедиться в чрезмерном идеализации такого рода национальных объединительных проектов. Тогда почему культурные национальные проекты не уступили место этническим как более реалистичным? А кроме того, почему турецкие власти не подавляют развитие этнических национальных проектов, раз они идут в разрез с государственной национальной моделью?

Очевидно, риск участия в этнических национальных проектах недостаточно велик. Иначе, как и на первом этапе турецкого государственного

нациестроительства, черкесы и крымские татары не смогли бы публично декларировать свою этническую принадлежность.

Основной причиной послаблений в этнонациональной политике Турции мы считаем незавершенный и, по-видимому, далекий от завершения процесс евроинтеграции. Тем не менее, Европейский Союз уже несколько десятилетий оказывает постоянное давление на Турцию в вопросе соблюдения прав этнических меньшинств, под которыми понимает и этнические группы мусульман. Благодаря влиянию ЕС и финансируемым им проектам, нацеленных на вовлечение этнических лидеров и этнических организаций, дискурс прав этнических меньшинств утвердился в Турции.

Новым явлением, характеризующим ситуацию, можно назвать появление этнических партий, которые выводят на повестку дня соблюдение прав этнических меньшинств и актуализируют этнонациональную повестку. Для черкесов такой политической силой является Партия плюралистической демократии, созданная в 2014 г. Среди ее требований к турецким властям – открытие круглосуточного канала телевидения на черкесском языке, прекращение политики ассимиляции и непризнания, плюрализация общества²⁰.

Для крымских татар создание собственной партии пока не актуально, поскольку их политические требования направлены вовне – к России. Именно это является еще одним фактором, благодаря которому турецкие власти позволяют существовать этнонациональным проектам черкесов и крымских татар: они не несут угрозы всплеска сепаратизма в Турции, все их территориальные требования направлены к России.

Тем не менее, общая политизация этнических меньшинств бросает вызов модели государственного устройства Турции. Попыткой преодолеть этот внутренний конфликт и достичь внутреннего баланса можно назвать т. н. неоосманизм²¹ – идеологическую доктрину Турции, которая предполагала переформатирование национальной модели государства в сторону неоимперскости с возвращением религиозной идентичности как базового элемента внутренней консолидации общества. Однако с очередным обострением курдского вопроса с 2015 г. данная доктрина отошла на второй план во внутренней политике Турции, а турецкий национализм получил второе дыхание. Одновременно были приостановлены и правительственные проекты, направленные на улучшение положения этнических меньшинств.

Что касается национальных проектов культурного типа, то очевидно причиной их «живучести» является комплементарность турецкому государственному проекту. Несмотря на требования создания независимого государства, свойственные любому национальному движению априори, в реальности речь идет о иерархическом подчинении данных проектов некоему объединяющему – общетюркскому, общеисламскому с неизменным признанием главенствующей политической роли Турции. Фактически, эти национальные проекты можно назвать «дочерними», а в какой-то степени даже псевдонациональными. Они являются некой гибридной формой,

родившейся в условиях диктата государственного национального проекта, перенимающей его черты и сопричастной ему.

В таком случае, на конкуренцию между национальными проектами в Турции можно смотреть и под другим углом – как на испытание жизнестойкости государственного проекта, который в фазе своего роста вытесняет все другие национальные движения, в фазе ослабления – позволяет появляться гибридам, и лишь в фазе упадка допускает существование альтернативных этнонационализмов. Если это предположение верно, то курс на неоимперскость и укрепление религиозной идентичности для консолидации турецкого общества продолжится и далее.

Литература

1. Подробнее см.: Eryılmaz B. Osmanlı Devleti'nde Millet Sistemi. Istanbul, 1992.
2. Петросян Ю.А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958. С. 55–58.
3. Кудряшова И.В. Пан-нации и нации-государства в мусульманском мире: конкуренция воображаемых сообществ // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Сб. науч. тр. Вып.1: Альтернативные модели формирования наций / Гл. ред. М.В. Ильин. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 30–53. С. 36.
4. Сибгатулина А. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX-XX вв. М., 2010. С.122–150.
5. Понятия «турок» и «тюрок» в турецком языке не разделяются. Данная многозначность удобна в политическом отношении и часто используется политиками в Турции.
6. О тюркизации этнических меньшинств см.: Bali R.N. Resmî İdeolojide Gayrimüslim Yurttaşlar // Birikim. Ocak/Şubat 1998. № 105–106. S. 170–176.
7. Aydın Z. Lozanda Farklı Kökenlilere Tanınan Haklar // Bianet. Bağımsız İletişim Ağı. 01.11.2004. URL: <http://bianet.org/bianet/kultur/46222-lozanda-farkli-kokenlilere-taninan-haklar> (дата обращения: 28.03.2020).
8. Бахревский Е.В., Свистунова И.А. Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние. М., 2019. С. 122.
9. О двойственности турецкого национального проекта см. также: Шлыков В.И. Языковая политика кемалистов в раннереспубликанский период // Нации и национализм на мусульманском Востоке. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М., 2015. С. 185–202.

10. См. Иванова В.В. Черкесская диаспора Турции и вопрос репатриации на историческую родину // Черкесский вопрос в России в конце XX – начале XXI веков: геополитические легенды и историческая память. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 53–60. С. 55–56.
11. Jane Ş. Çerkes Nüfusu İçin Yaklaşımlar. Cerkes.net, 2010. URL: www.cerkes.net/cerkes/index.php/ozel/makale/249-cerkesnufusu-icin-yaklasimlar.html (дата обращения: 01.03.2020).
12. Sel Ü. Kırım, Kırım Tatarı ve Anadolu'ya Göç // Kırım. 1996, №14. С. 11–12; Ülküsal M. Kırım Türk-Tatarları. (Dünü - Bugünü - Yarını). Ankara, 1980. P. 37.
13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
14. Об объединении черкесской и чеченской диаспор см. ниже. Также: Цибенко В.В., Никифоров С.В. 1864 – 1944 – 1994. Коллективная память и особенности черкесо-чеченского взаимодействия на Ближнем Востоке // Научная мысль Кавказа. 2015, № 3. С. 89–97.
15. См. Бахревский Е.В., Свистунова И.А. С. 35.
16. Çerkes Derneği Tüzüğü // Çerkes Derneği. URL: <http://www.cerkes.org.tr/tuzuk> (дата обращения: 21.03.2020).
17. Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği Tüzüğü (2014) // Kırım Derneği. URL: <http://kirimdernegi.org.tr/dernek/tuzuk> (дата обращения: 24.03.2020).
18. Журнал выходил раз в две недели на турецком языке, всего вышло 154 выпуска. В Турции выходил раз в 2 месяца с 1960 по 1998 гг., а затем раз в три месяца с 2009 по 2011 гг. С 2012 г. выпускается раз в год.
19. Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб: Центр "Петербургское востоковедение", 2012. С. 376–402.
20. См. подробнее: Цибенко В. В. Северо-Западный Кавказ в политическом фокусе Турции в контексте парламентских выборов 2015 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 5 (84). С. 60–61.
21. См.: Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71–78; Цибенко В. В. Обыкновенный неоосманизм: османские очаги и янычары дворца // Арабские маршруты в азиатском контексте. СПб., 2016. С. 394–404.